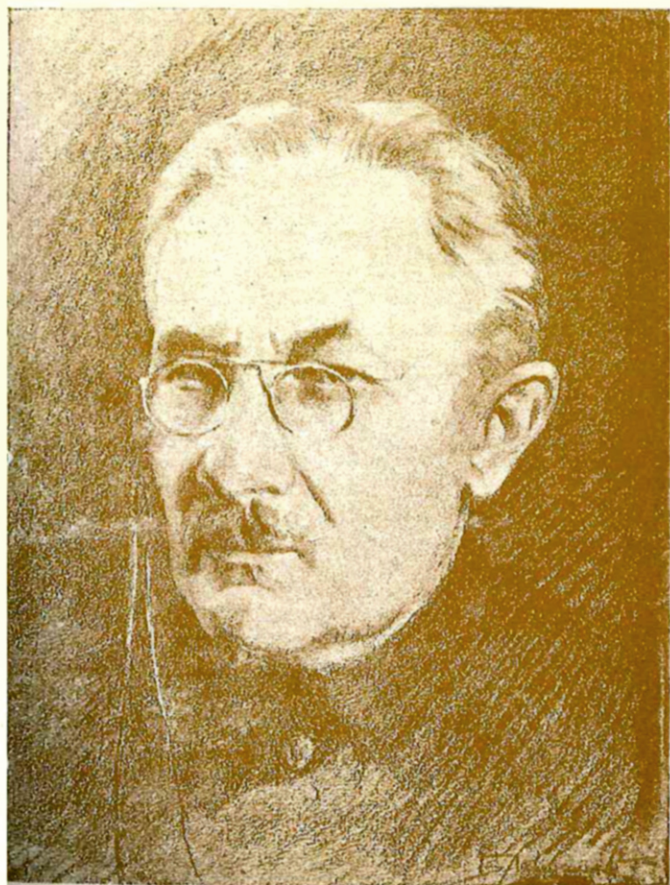

Albany

**БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ
СВАРЧЕВСКИЙ**
(1872—1930).

30 марта этого года русская наука понесла тяжелую утрату: после тяжелой и продолжительной болезни умер в Иркутске хорошо известный в СССР и за границей ученый, профессор зоологии Иркутского Университета Б. А. Сварчевский. Борис Александрович был одним из тех научных деятелей, которые почти с первых шагов Октябрьской революции, несмотря на огромные трудности, самоотверженно работали и продолжают работать на своем ответственном посту. При том огромном недостатке в высоко-квалифицированных научных силах, который особенно резко ощущается у нас, на далекой окраине, смерть Б. А. Сварчевского кажется особенно невознаградимой.

Борис Александрович был уроженцем города Винницы, Подольской губернии, где он родился в 1872 году в семье земского служащего. Здесь же он получил свое первоначальное образование, а затем поступил в Киевскую классическую гимназию, курс которой и окончил в 1892 году. В этом же году он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Киевского университета и специализировался в области зоологии под руководством выдающегося зоолога, профессора А. А. Коротнева. По окончании университета, в 1899 году, он был оставлен своекоштным стипендиатом для приготовления к профессорскому званию по кафедре зоологии. С этого времени и начинается многосторонняя и плодотворная научная и педагогическая деятельность Бориса Александровича. Обладая большой энергией, способностями и страстью исследователя, Борис Александрович уже сразу по окончании университета совершает ряд путешествий и длительных, дальних, поездок в самые разнообразнейшие края и уголки нашей беспредельной страны. Одной из первых его поездок с научными целями была экскурсия на Восточный Кавказ, совершенная им в 1899 году, а затем, в 1900 г., экскурсия на Черное море. На Черном море Борис Александрович, по поручению Киев-

ского об-ва естествоиспытателей, занялся исследованием губок, очень мало известных в то время для этого бассейна. Обширные сборы по губкам, собранные лично, а также материалы по этой группе, хранившиеся в зоологических музеях академии наук, Харьковского университета и на Севастопольской биологической станции были затем обработаны Борисом Александровичем и опубликованы им в большой работе „Материалы фауны губок Черного моря“ (1905). Эта работа представляет из себя почти исчерпывающую для того времени сводку по губкам Черного моря; в ней приводится описание 32 форм из *Monaxonina*, причем значительная часть их, именно 8 видов и 2 рода, описываются впервые. В 1901 г. Борис Александрович принял ближайшее участие в известной экспедиции проф. А. А. Коротнева, снаряженной для исследования Байкала. Это путешествие произвело на Б. А. сильнейшее впечатление. Величавая красота и своеобразие Байкала, его замечательная фауна, неизведанность и таинственность его глубин навсегда приковали к себе внимание молодого исследователя, и, по собственному его признанию, в нем с этого времени боролись всегда две тенденции: одна тянула его на запад, где предоставлялось широкое поле для научной работы в заграничных научно-исследовательских учреждениях, другая влекла на восток, к Байкалу. Работая в экспедиции Коротнева и будучи прекрасным и неутомимым фотографом, Борис Александрович, на ряду с текущими делами и заботами, произвел массу снимков Байкальских видов, которые могли бы послужить богатейшим материалом для того альбома видов Байкальской природы, который с нетерпением ждут не только все байкаловеды, но и вся читающая Сибирь... Специально, во время экспедиции, Борис Александрович был занят опять же мало разработанной в то время и крайне интересной группой животных — байкальскими губками.

Получив в дополнение к своему материалу сборы по губкам от А. А. Коротнева, В. П. Гаряева, Ю. Ю. Семенкевича и Иркутского городского музея, Борис Александрович напечатал две работы (1901) посвященные этим животным. В них он дает краткую сводку всех имеющихся к тому времени сведений о губках Байкала, вносит ряд существенных изменений в систематику этих животных и высказывает сомнение в правильности высказанного В. Дыбовским мнения о происхождении представителей Байкальских родов *Veluspa* и *Lubomirskia* от выходцев из Северного ледовитого океана. Кроме того, Б. А. описывает из Байкала 5 новых видов губок из которых 3 являются представителями обыкновенных палеарктических родов *Spongilla* и *Ephydatia*, до того времени из Байкала неизвестных.

После некоторого перерыва в исследовательской работе, уже в 1905 году, Борис Александрович, по поручению Киевского об-ва естествоиспытателей, совершает поездку на Белое море, где деятельно собирает фаунистический материал в Онеж-

ской и Кандалакшской губах и в районе Соловецких островов. Здесь, как на Черном море и на Байкале, Борис Александрович интересуется, главным образом, также губками и, в результате обработки своих обширных сборов, печатает большую работу: „Материалы для фауны губок Белого моря и отчасти Мурманского побережья“ (1906). В этой работе Борис Александрович производит полную ревизию очень скудных к тому времени и отрывочных познаний о фауне беломорских *Monaxonida*, констатирует присутствие в Белом море 40 видов этих губок и описывает 14 новых видов, относящихся к 7 родам.

Одновременно с интенсивной научной деятельностью в период времени с 1899 по 1906 год, значительную долю энергии Б. А. отдает и преподавательской работе, занимая должности сначала лаборанта, а затем ассистента кафедры зоологии Киевского университета и ведя преподавание также в средних учебных заведениях города Киева.

1906 год явился для Бориса Александровича переломным годом, в значительной степени определившим его последующую научную деятельность: он получил двухлетнюю командировку за границу. Здесь Борис Александрович работает в лаборатории известного немецкого зоолога Р. Гертвига в г. Мюнхене, а затем на зоологических станциях западной Европы: в Ровиньо и Виллафранке. В Германии, в лаборатории Гертвига, Б. А. выполняет несколько работ, посвященных исключительно *Protozoa*. Первые работы по простейшим настолько увлекают Бориса Александровича, что он из спонгиолога превращается в серьезного и вдумчивого протистолога, посвятившего изучению *Protozoa* значительное большинство (17 из 28) своих последующих работ, обративших на себя всеобщее внимание, как в России, так и за границей. Первая из этих работ была посвящена размножению корненожки *Arcella vulgaris* (1908), у которой Борис Александрович устанавливает три способа размножения: деление, почкование и половое размножение. При половом размножении у *Arcella*, по наблюдениям Б. А., происходит копуляция двух особей, во время которой ядра распадаются на хромидии, эти же последние, соединяясь снова, дают вторичные ядра будущих *Arcella*; при почковании от ядра отделяются кусочки хроматина — вторичные ядра (агаметы), которые, кроме части матеинского ядра, содержат еще и часть запасных веществ, необходимых для роста; при размножении делением ядро корненожки делится кариокинетически на два дочерних, после чего делится и плазма.

За этой работой следует целый ряд крупных и мелких работ, посвященных изучению размножения у различных представителей *Protozoa*. В них Борис Александрович касается не только морфологических изменений, наблюдаемых при размножении, но, главным образом, тех тончайших изменений, какие происходят при этом в ядерном аппарате. Так, в работе посвя-

IV

щенной изучению *Acineta gelatinosa* (1908), Б. А. описывает почкование этой сосущей инфузории и тщательно прослеживает судьбу материнских ядер; в работе, посвященной изучению размножения корненожки *Allogromia* (1909), описывается сложная картина распада ядра ядерного вещества на хромидиальную сеть, образующую, затем, ядра амебоидных изогамет, и т. д. Все эти исследования дали Борису Александровичу возможность высказать ряд соображений относительно роли и значения ядерного аппарата Protozoa при половом процессе, изложенных им в капитальном труде „Хромидиальные образования у Protozoa в связи с вопросом о двойственности ядерного вещества“ (1912). Этот труд был представлен Борисом Александровичем в качестве магистерской диссертации и блестяще защищен в Киевском университете в 1912 году. Сущность идей, высказываемых Борисом Александровичем в этой интересной работе, сводится к следующим положениям: Хромидиальные образования очень распространены у Protozoa, встречаясь в виде генерохромидий и трофохромидий, (хотя первые могут выполнять и вегетативные функции); двуядерность инфузорий представляет из себя приспособление к полному разделению двух разных функций ядра—вегетативной и генеративной; в генеративном ядре ядерное вещество сохраняется в нетронутom (в химическом отношении) виде для полового процесса, причем иногда генеративное ядро (Micronucleus) может образоваться из вегетативного (Macronucleus); у инфузории с несколькими микроноклеусами далеко не все могут принимать участие в половом процессе.

Другая серия работ в области протистологии была посвящена Борисом Александровичем всестороннему изучению представителей отряда Harposporidia, принадлежащего к классу Sporozoa, паразитирующих на рыбах и других животных. Результаты всех этих исследований были, затем, об'единены Борисом Александровичем в капитальной монографии „К познанию Harposporidia“ (1914), представленной им на соискание степени доктора зоологии, которая, по защите диссертации, и была ему присуждена Московским университетом в мае 1916 года.

В работах по Sporozoa и в монографии „К познанию Harposporidia“, получивших широкую известность за границей, Борис Александрович приводит результаты своих многолетних и тщательно сделанных наблюдений над морфологией и сложнейшим жизненным циклом этих интереснейших и важных паразитов.

Интенсивная научно-исследовательская работа кабинетного характера и педагогическая работа уже в качестве приват-доцента Киевского университета не мешала Борису Александровичу в этот же период времени совершить еще два далеких путешествия с научными целями—одно из них в 1913 году в Зондский архипелаг и другое в 1914 году в Ферганскую область. Из того и другого путешествия Борис Александрович вывез

большое количество фаунистического материала, значительно пополнив им зоологические кабинеты Киевского университета.

Перед мировой войной Борис Александрович решает ехать в западную Европу и получает назначение на должность помощника директора Русской зоологической станции имени профессора Коротнева в Вилла-Франке (Франция), но уже начавшаяся война, а затем революция, задержала отъезд, и в 1917 году Борис Александрович оказывается в Сибири, будучи приглашен в Омский сельскохозяйственный институт на должность профессора зоологии. Из Омска в 1919 году он переезжает в Иркутск, где занимает кафедру зоологии Иркутского университета, на каковой и остается с небольшим перерывом до самой смерти.

Несколько затихшая в 1915-20 годы научно-исследовательская деятельность Б. А. вспыхивает на Иркутской почве с новой силой. Несмотря на полную неналаженность нормальной связи с научными центрами, отсутствие подчас самой необходимой литературы, крайнюю обремененность всяческими заботами по организации университетских лабораторий, Б. А. выполняет здесь снова целый ряд ценнейших научных работ.

В 1921 году, идя навстречу крайней необходимости в определителях для занятий со студентами, Б. А. составляет „Таблицы для определения простейших организмов“, выпуская в печать ч. I этих таблиц, охватывающую корненожек (1921). Вслед затем, в 1923 году он выпускает очень ценную работу уже исследовательского характера „Наблюдения над *Oikomonas tetraspora* n. sp.“, в которой касается не только морфологических, но и физиологических отклонений этой, открытой им, новой формы жгутиковых, а также и особенностей ее полового и бесполого размножения; затем, в 1923 году он описывает новый вид гидры из Байкала, найденный им во время экспедиционных работ на Байкале в 1922 году; исследуя эту гидру (*Hydra baicalensis*), Борис Александрович подмечает интересную закономерность в появлении у ней щупалец, причины чего таятся, по его мнению, глубоко в природе самой гидры, являясь, по видимому, признаком филогенетического характера и высказывает интересные предположения о возможном происхождении пресноводных *Hydra* от личиночных форм (актинулы) морских *Myrionothoeinae*.

Мы уже только что упомянули вскользь об экспедиции, совершенной Б. А. в 1922 году, совместно с другими научными работниками Иркутска, по Байкалу. Эта экспедиция дала Б. А. повод снова вернуться к изучению той группы животных, с которой он начал свою научную работу—именно к губкам Байкала. Из района Ольхонских ворот он описывает новый вид губки, отнесенный им провизорно к роду *Carterius*, до того неизвестному вообще для Байкала и Сибири—именно *Carterius*

primitivus n. sp., затем, одну новую форму из рода *Spongilla*, и устанавливает ряд интересных параллелей между *Spongillidae* Байкала и озер Танганьики (Африка) и Талифу (Китай), указывая на общую для *Spongillidae* этих огромных водоемов тенденцию к потере защитительного, кроющего геммулы, слоя игол (амфидисков и „кроющих“ игол).

Чрезвычайно интересными оказались результаты наблюдений, проведенных в это же время Б. А. над размножением эндемичных байкальских губок, принадлежащих к родам *Veluspa* и *Lubomirskia*. Он окончательно доказывает явную несостоятельность указаний Annandell'a о том, что у *Veluspa bacillifera* образуются якобы геммулы, а затем, открывает совершенно неизвестный до этого для байкальских губок способ размножения посредством соритов и наружных почек.

Особенно интересен первый способ размножения, посредством соритов—особых телец, образующихся в тканях губки на подобие геммул, но из которых, затем, развивается свободно-плавающая личинка, превращающаяся в губку.

В 1928 году Б. А. печатает интересную работу, посвященную открытой им инфузории *Spirochona elegans*. Эта инфузория живет на жабрах гаммарид из Ангары. Б. А. детально проследил ее размножение, выяснив, что маленькие тельца, в числе 2-3, лежащие вблизи ядра (*Micro-nucleus* auct.) никакой роли при половом размножении не играют, являясь дегенеративными ядрами; зато другие 2 ядра—одно внутри другого—являются действительно примитивными необособившимися микронуклеусами. Результаты наблюдений над *Spiroch. elegans* позволили Б. А. высказать ряд соображений о значении процессов, сопровождающих половое размножение инфузорий, о типах подготовительной стадии полового акта (*Praekonjugatio*), о редукции хроматина и т. д.

Затем, начиная с 1928 года, Б. А. выпускает серию работ, посвященных систематической обработке инфузорий, живущих на Байкальских гаммаридях. В общей сложности все эти работы составляют крупную монографию, печатавшуюся в 1928-30 г.г. отдельными статьями в „*Archiv f. Protistenkunde*“. В этой монографии, являющейся фундаментальной для познания Протоzoа Байкала, Б. А. показал совершенную несостоятельность прежних взглядов зоологов о бедности Байкала простейшими и описал до 125 видов инфузорий, принадлежащих к отрядам *Peritricha* и *Heterotricha*, из которых 84 новых вида и 9 новых родов. Помимо морфологического описания, Б. А. дает также сведения о распространении инфузорий по глубинам и приводит ряд не лишенных глубокого интереса соображений филогенетического характера.

В Иркутске, как это было и в Киеве, и в Омске, Б. А. далеко не ограничивается только научной деятельностью. При-

был, как уже сказано, сюда в 1919 году, он проявляет себя здесь не только как неутомимый исследователь, но и как прекрасный педагог, организатор и администратор. В том же 1919 г., т. е. сразу по прибытии в Иркутск, он назначается деканом физико-математического факультета Иркутского университета и самоотверженно работает по созданию лабораторий и кабинетов этого факультета. Несмотря на крайне скудные материальные возможности, в короткое время Б. А. создает зоологический кабинет и музей, сам лично чинит и строит мебель, монтирует коллекции, учебные и музейские экспонаты, бегаёт по учреждениям в поисках необходимых для кабинетов средств и оборудования, дров для отопления и т. д. Несмотря на расшатанное здоровье, дни и ночи работает он в своем кабинете; зачастую в жестокую стужу, почти в буквально обледевших стенах, иногда в шубе и катанках ведет лабораторные занятия со студентами, читает лекции и т. д.

В 1923 году, в связи с преобразованием физико-математического факультета в педагогический, появились реальные опасения, что часть научных работников естественников может покинуть Иркутск. Чтобы этого не случилось, Борис Александрович, при поддержке Иркутской советской общественности, деятельно и успешно хлопочет об организации в Иркутске Биолого-географического научно-исследовательского института, первым и почти несменяемым директором которого он состоял вплоть до того момента, когда тяжелая болезнь приковала его окончательно к постели. Под влиянием все увеличивающейся болезненности, в 1925 году Б. А. решил поехать на Кавказ, надеясь, что более мягкий климат поправит его здоровье, и был избран профессором Северо-Кавказского педагогического института в г. Владикавказе. Но болезнь и там его не покидала, и Б. А. решил снова вернуться на свою вторую родину, в Иркутск. Здесь он был с радостью встречен своими прежними товарищами, сотрудниками и учениками, заняв снова все те должности, на которых он до того времени состоял.

За время пребывания в Иркутске Б. А. сумел вокруг себя и своей кафедры объединить молодых начинающих работников, которые с гордостью считают и будут считать себя его учениками. Отличаясь большой настойчивостью и строгостью в своих требованиях к ученикам, Б. А. сначала иногда отпугивал от себя начинающих, но зато те, кто выдерживал «первый испус», уже не выходил из его кабинета, не выполнив вполне законченной исследовательской работы, так как под этой строгостью ученого в Б. А. проглядывала глубокая доброта и искреннее сочувствие ко всем тем, кто серьезно и добросовестно начинал работать, и для таких уже не было от него отказа в советах и указаниях, в поощрении и в снабжении собственными приборами и литературой. Последнее было

особенно важным, т. к. в первые годы создания лабораторий Иркутского университета специальная научная литература и руководства почти совсем отсутствовали и, лишь благодаря богатой личной библиотеке и лаборатории Бориса Александровича, было возможно выполнение в те годы научных исследований в кабинетах педфака. Это умение создавать вокруг себя учеников было особенно ценным свойством Б. А., и теперь, когда нужда в новых научных кадрах так остра, потеря такого учителя является особенно тяжелой.

Уже в начале этого краткого очерка было упомянуто, что Б. А. был один из тех старых ученых, которые с большой настойчивостью, энергией и желанием работали ногой в ногу с властью. И действительно, ближайшим сотрудникам и ученикам Б. А., знавшим его с первых лет жизни Иркутского университета, хорошо известно то положительное значение, какое имел Б. А. для только что встававшего на ноги молодого университета, благодаря своим организаторским способностям и удивительному трудолюбию при чем не только в лаборатории, но и вне ее. Б. А. находил применение своей энергии и труду. Состоя одним из активнейших членов союза Рабпрос, он почти бессменно, много лет, занимал руководящие должности в профессиональных организациях, преимущественно по секции научных работников, будучи членом окружного бюро секции, председателем квалификационной комиссии, представителем секции в совете университете и т. д.

Период коренной перестройки наших вузов и научно-исследовательских учреждений застал Б. А. уже тяжело больным, почти прикованным к постели, почему он, конечно, не мог принять своего участия в этой работе. Но не трудно понять, что он принял бы самое живое участие в этой стройке, т. к. любил молодежь искренне и был бы конечно и теперь на ее стороне. Смерть вырвала от нас в разгар грандиозной работы человека, который так был нужен казалось, обладал еще неисчерпаемым источником энергии и сил...

Оценивая Б. А. как ученого, мы должны всецело присоединиться к словам В. Т. Шевякова, высказанным им на траурном заседании, посвященном памяти Б. А., что он был не только первоклассным ученым, но и вдумчивым мыслителем, с идеями которого можно не соглашаться, но нельзя не уважать и не видеть в их авторе человека, умеющего глубоко мыслить. И действительно, стремление каждому, хотя бы на первый взгляд незначительному, явлению придать более широкое значение и смысл, связать его с более широкими закономерностями составляло характерную черту научной деятельности покойного ученого. Таким же вдумчивым и отзывчивым человеком он был и в общественной жизни. Несмотря на то, что революция застала

IX

Б. А. уже сложившимся человеком и ученым, выросшим и воспитавшимся в интеллигентской, полубуржуазной, семье, он не остался слеп и глух к зову времени, поскольку мог прислушивался к дыханию истории, старался осмыслить революцию и принять ее, и в своих делах он действительно принимал ее, отдав все свои силы и здоровье одному из важнейших ее фронтов—фронту просвещения...

Мир праху этого большого человека и ученого, так временно ушедшего от нас в могилу...

М. М. Кожов.

Иркутск

Апрель 1930 года.

С П И С О К

трудов профессора Б. А. Сварчевского (B. A. Svarczewsky).

1. Краткий очерк спонгиофауны Байкала. Юбил. сборн. ВСОРГО, 1901.
2. Материалы к фауне губок Байкальского озера. Зап. Киевск. О. Е. 1901.
3. Материалы фауны губок Черного моря (*Mopaxonia*). Зап. Киевск. О. Е. т. XX, 1905.
4. Материалы для фауны губок Белого моря и отчасти Мурманского побережья. Зап. Киевск. О. Е. т. XX, 1906.
5. Über die Fortpflanzungserscheinungen bei *Arcella vulgaris*. Arch. f. Protistenk., Bd. 12, 1908.
6. Über die Knospenbildung bei *Acineta gelatinosa*. Biolog. Centralbl., Bd. 28, 1908.
7. Zur Kenntnis der *Allogromia ovoidea*. Arch. f. Protistenk., Bd. 14, 1909.
8. Beobachtungen über *Lankesteria*, eine in Turbellarien des Baikalsees lebende Gregarine. Festsch. Zum 60 Geburtstag K. Hertwigs, 1910.
9. Zur Chromidienfrage und Kerndualismus hypothese. Biol. Centrbl., Bd. 32, 1912.
10. Über die Duplicität der Chromidialsubstanz., Biol. Centrbl. 1912.
11. Über die Doppelkernigkeit der Ciliaten. Biol. Centrbl. 1912.
12. Die polyenergiden Kerne Hartmann. Biol. Centrbl., 1912.
13. Хромидиальные образования у Protozoa в связи с вопросом о двойственности ядерного вещества. Зап. Киевск. О. Е. 1912.
14. Über die Lebenscyclus einiger Haplosporidien. Arch. f. Prot., Bd. 33, 1914.
15. К познанию Haplosporidia. Киев, 1915.
16. Таблицы для определения простейших организмов, ч. I. Корненожки. Ирк. 1921.
17. Наблюдения над *Oikomonas tetraspora* nov. sp. Архив Р. П. О. т. 2, 1923.
18. Очерки по Hydraria. Тр. Ир. гос. унив. вып. 4, 1923.
19. Спонгиологические очерки I и II. Тр. Ирк. О. Е. 1923, т. I.

20. Спонгиологические очерки, III. Бесполое размножение у Veluspa помощью соритов. Изв. Б. Г. Инст. при Ирк. Унив., 1924.
21. Beobachtungen über Spirochona elegans nov. sp. Arch. f. Protistenk. B. 61, 1928.
22. Zur Kenntnis der Baikalphotistenfauna die an den Baikalgammariden lebenden Infusorien. I. Dendrosomidae. Arch. f. Protistenk. Bd. 61, 1928.
23. II. Dendrocometidae. Arch. f. Prot. . Bd. 62, 1928.
24. III. Discophryidae, Arch. f. Prot. . . Bd. 63, 1928.
25. IV. Acinetidae. Arch. f. Prot. . . Bd. 63, 1928.
26. V. Spirochonina " " " . . . Bd. 64, 1928.
27. VI. Stentorina " " " . . . Bd. 65, 1929.
28. VII. Lagenophrys, Vaginicola, Cothurnia. Arch. f. Prot. Bd. 69, 1930.

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ, ПРОФЕССОРА
БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА СВАРЧЕВСКОГО
ПОСВЯЩАЮ ЭТОТ ТРУД

Автор.